

Н.А. Коротаев, А.А. Кибрик, В.И. Подлеская

Полипредикативность и интеграция в устном нарративном дискурсе*

*Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет,
г. Москва, Россия,
n_korotaev@hotmail.com*

1. Введение

Всякая попытка изучения устного дискурса неизбежно сопряжена с достаточно очевидной проблемой: речь, зафиксированная только в форме звука, слишком многоаспектна, чтобы человеческий взгляд и сознание могли одновременно удержать какой-то ее значимый фрагмент. Поэтому едва ли не первой задачей при анализе устной речи становится создание дискурсивной транскрипции – принципов переложения звукового потока в письменную форму. Эта, казалось бы, техническая задача в действительности ставит перед исследователем целый ряд нетривиальных теоретических вопросов. Какие компоненты звука должны быть отражены в транскрипции, а какими можно пренебречь? Каков инвентарь единиц, которые необходимо отражать в транскрипции? Как перейти от континуальности звука к дискретной транскрипции? Разработка систематической и последовательной системы записи устного дискурса требует введения десятков и даже сотен различных правил, которые должны отражать содержательные свойства анализируемых явлений.

В настоящей статье мы рассмотрим лишь некоторые аспекты этой работы, которую мы проводим на материале корпуса устных рассказов детей и подростков о сновидениях.

2. «Рассказы о сновидениях»

Предлагаемая нами система транскрипции устного русского дискурса разработана на материале корпуса аудиозаписей «Рассказов о сновидениях» (название призвано установить преемственность со знаменитыми «Рассказами о грушах» У. Чейфа, см. Chafe 1980, во многом определившими направление корпусных дискурсивных исследований). Запись рассказов была произведена сотрудницей (ныне – доцентом) кафедры нервных болезней Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова Е.А.Корабельниковой (см. Корабельникова 1997). Корпус включает 129 рассказов детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет, при этом 69 из них взяты от детей с невротическими расстройствами, 60 – от здоровых детей из контрольной группы. Суммарная продолжительность всех аудиозаписей составляет около двух часов, а общее число словоупотреблений – примерно 15 тысяч единиц.

Несмотря на довольно небольшой объем корпуса, мы полагаем, что с количественной точки зрения он все же является репрезентативным по отношению к исследуемому типу устного русского дискурса – личным рассказам. Подробнее о корпусе см. работу Kibrik et al. 2002.

3. Элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ) как центральное понятие дискурсивной транскрипции

Никакая дискурсивная транскрипция заведомо не может отразить всю информацию, содержащуюся в потоке устной речи. Поэтому при разработке принципов письменной фиксации устного дискурса необходимо заранее знать, какие исследовательские задачи предстоит решать на базе создаваемой транскрипции. Наша транскрипционная система призвана в первую очередь отражать устройство дискурса – его локальную и (в меньшей степени) глобальную структуру. Играет роль не только линейный, но и иерархический аспект структуры; последний мы понимаем в духе теории риторической структуры (TRC) У. Манна и С. Томпсон (см. Mann, Thompson 1988; Mann, Matthiessen, Thompson 1992), согласно которой

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 06-06-80470.

дискурс можно представить в виде иерархически организованной сети единиц, связанных так называемыми риторическими отношениями¹.

Ключевая задача при таком подходе к описанию дискурса – выделение минимальных узлов этой иерархической структуры. Подобные узлы, соответствующие минимальным квантам в порождении дискурса, мы называем **элементарными дискурсивными единицами** (ЭДЕ)². Каждая ЭДЕ записывается в транскрипции отдельной строкой, на конце которой ставится пунктуационный знак, указывающий на то, как данная ЭДЕ вписывается в локальную структуру рассказа. Подчеркнем, что правила расстановки пунктуационных знаков существенно отличаются от правил стандартной русской пунктуации и не выводимы из них. Кроме того, в транскриптах отмечаются заполненные и незаполненные паузы, движения тона на акцентированных словоформах и некоторая другая информация.

Более подробное описание используемой нами системы дискурсивной транскрипции можно найти в работе Кибрик, Подлеская 2003. В настоящей статье мы остановимся исключительно на вопросах выделения ЭДЕ.

4. Канонические ЭДЕ. Малые ЭДЕ

Сущность ЭДЕ как минимальных шагов в продвижении дискурса проявляется в различных аспектах процесса речепорождения: физиологическом (ЭДЕ произносится на одном выдохе), когнитивном (ЭДЕ вербализует один «фокус сознания», см. Chafe 1994), семантическом (ЭДЕ описывает одно событие или состояние), синтаксическом (ЭДЕ является простой клаузой) и просодическом (ЭДЕ организована как один произносительный контур с точки зрения движения тона, наличия основного акцентного центра, темпа и громкости – подробнее см. Кибрик, Подлеская 2006). В нашей работе мы сосредоточиваемся на координации просодического и семантико-синтаксического аспектов и говорим соответственно о просодическом и семантико-синтаксическом **критериях** выделения ЭДЕ.

В прототипическом случае ЭДЕ отвечает обоим этим критериям, то есть заключается в один интонационный контур и представляет собой простую клаузу, описывающую одну ситуацию. Таковы, например, все 9 ЭДЕ в приведенном ниже фрагменте:

- (1) Z14³
2. был \сон значит,
3. ..(0.2) ээ(0.4) ..(0.4) {ЧМОКАНЬЕ} ..(0.2) корочев ..(0.1)
на /бал меня пригласили,
4. ...(0.5) а у меня нет –\пла-атъя.
5. ...(0.8) Значит ...(0.6) Вдумаю:
6. «–/Ба-ал ну всё-таки,
7. \как я \пойду?»
8. ..(0.4) \Ну-у /одела там /юбку короткую,
9. /пришла,
10. а они там все в таких вот /юбках там,

Такие ЭДЕ, совпадающие по объему с простой клаузой, мы называем **каноническими**. Согласно нашим данным (см. Кибрик, Подлеская 2006), доля канонических ЭДЕ в «Рассказах

¹ Отметим, однако, что применение ТРС к устному дискурсу потребовало определенной адаптации первоначальной модели, – см. статью Литвиненко 2001.

² В литературе об устном дискурсе чаще используются другие термины – фраза, интонационная фраза, интонационная группа, интонационная единица (ИЕ) (см. Chafe 1994: 57), синтагма. Мы предпочитаем термин «элементарная дискурсивная единица», поскольку он наиболее точно отражает функциональную природу данных единиц, а также позволяет единым образом говорить об устном и письменном дискурсе.

³ Буква N перед номером обозначает принадлежность рассказов подкорпусу, взятому у детей с невротическими заболеваниями; буква Z означает, что рассказ взят у здорового ребенка из контрольной группы. В левой колонке указывается номер строки в рассказе.

о свидениях» составляет около 70%. Однако существуют и отклонения от указанного выше стандарта.

Неканонические ЭДЕ делятся на **малые** и **большие**. Малые ЭДЕ по своему объему меньше клаузы, а большие – превосходят ее. Типология малых ЭДЕ включает в себя **сопутствующие, разрывные и регуляторные** ЭДЕ. Сопутствующие ЭДЕ возникают в том случае, когда говорящий оформляет клаузу не за один шаг, а за два или более. Приведем пример сопутствующей малой ЭДЕ, следующей за клаузой:

(2) Z19

12. И /вдруг я увидела какую-то ..(0.4) \к-коробку.

13. ..(0.3) С /бантиком \сверху.

В (2) рассказчица сначала произнесла полноценную клаузу, но затем добавила к ней новый компонент, как бы «сделав вид», что клауза еще не была завершена, а завершается только теперь. При этом, однако, интонационное оформление этих двух речевых отрезков не позволяет считать, что перед нами одна ЭДЕ, а не две.

Подробнее о типах малых ЭДЕ можно прочитать в статье Кибрик, Подлеская 2006. Общим для всех малых ЭДЕ является то, что, не являясь клаузами, они вместе с тем не могут быть включены в состав ни одной другой, канонической, ЭДЕ. Можно сказать, что при дискурсивном анализе подобные речевые фрагменты выделяются в ЭДЕ по «остаточному принципу».

5. Большие ЭДЕ

Природа возникновения больших ЭДЕ – совершенно иная. Если малые ЭДЕ являются проявлением свойственной устному дискурсу фрагментации, то большие ЭДЕ – это продукт противоположного явления, феномена интеграции (о понятиях фрагментации и интеграции в дискурсе см. Chafe 1982). Чаще всего образование больших ЭДЕ связано с утратой некоторым предикатом существенной части предикативных свойств.

Рассмотрим несколько примеров.

В примере (3) последняя ЭДЕ представляет собой **сериализованную** конструкцию:

(3) N40

25. \Хорошо чувствовать

26. то что ты сидел ..(0.3) с \папой как будто_

27. с \мамой_

28. с \Димкой_

29.(1.8) сидишь \телевизор смотришь_

30. ..(0.1) а /оказывается,

31. это всё \неправда.

Несмотря на наличие двух глаголов – сидишь и смотришь, – данная конструкция, говоря неформальным языком, описывает одну ситуацию, не отличаясь в этом отношении от простых клауз с одним предикатом. При этом первый по порядку глагол частично делексикализуется и фактически превращается в маркер способа действия. Важный лексико-грамматический сигнал слитности этой конструкции – отсутствие сочинительного союза между предикатами; основной просодический симптом – наличие лишь одного акцента, расположенного на зависимом второго по порядку глагола.

В примере (4) появление большой ЭДЕ связано с **грамматикализацией матричного предиката** говорят:

(4) Z14

15. «Это говорят новая /мо-ода там.»,

16. в восемнадцатом /веке новая такая –\мо-ода пошла.

В случаях, подобных (4), налицо семантическая, просодическая и когнитивная редукция цитационных предикатов: они теряют ряд фонем, произносятся без акцента, как клитики, и понижаются в статусе до уровня цитационных маркеров – таких как мол, типа и др.

Еще один тип больших ЭДЕ – **бессоюзные инфинитивные конструкции**. С семантико-синтаксической точки зрения они близки к моноклаузальным конструкциям, а тот факт, что такие ЭДЕ произносятся в рамках единого интонационного контура, обеспечивает их просодическую целостность – см. пример (5):

(5) Z28

2.(2.6) /потом /мы вышли \отдохнуть,

В концентрированном виде рассмотренные выше явления иллюстрирует пример (6), в котором на две ЭДЕ приходится пять глаголов. В первой строке имеется комбинация финитного глагола с инфинитивом, а во второй есть цитационный маркер и случай сериализации:

(6) N67

21. ..(0.3) /подойти <по-моему> <\меня | \мне> она /попросила,

22. говорит ..(0.3) «/Пойди \помоги ей!».

При всей ослабленности одного из глаголов в приведенных выше примерах, большие ЭДЕ все же во многом близки к стандартным полипредикативным конструкциям (а зачастую – и выводимы из них). Можно сказать, что они находятся на стыке моно- и полипредикативности. Нередко граница между «обычными» полипредикативными конструкциями и подобными частично грамматикализованными комплексами оказывается размытой: наряду с достаточно очевидными случаями типа (2)-(6) для каждого явления, ведущего к образованию больших ЭДЕ, находится и целый ряд неочевидных, промежуточных. Задача транскрибирования дискурса, тем не менее, требует принятия четкого, бинарного решения – «одна строка» или «две строки». Поэтому в арсенале исследователя должен иметься набор критериев, с помощью которых можно отличить стандартную полипредикацию от слитных комплексов из нескольких предикатов и провести границу в определенной точке континуума переходных случаев.

Рассмотрим критерии такого рода на примере одного из классов интересующих нас конструкций – конструкций с эпистемическими предикатами.

6. Эпистемические конструкции и большие ЭДЕ⁴

Под **эпистемическими** в настоящем исследовании понимаются конструкции, выражающие довольно широкий спектр языковых значений, среди которых можно выделить три основных семантических центра. Это значения эпистемической гипотезы и эпистемического ожидания, а также важный для анализируемого корпуса подкласс эвиденциальных значений, связанный с указанием на принадлежность рассказываемого к миру сна⁵.

Носителем указанных выше значений в каждой отдельной конструкции является **эпистемическое выражение** (ЭВ). Эпистемические выражения различаются по своему синтаксическому и дискурсивному статусу. С одной стороны, это могут быть заведомо непредикативные единицы: вводные слова (по-моему), частицы (как будто) и проч. Такие слова, разумеется, не образуют отдельных ЭДЕ, а примыкают к тем клаузам, значения которых модифицируют.

С другой стороны, роль эпистемических выражений могут играть предикаты, формирующие полноценные клаузы, то есть канонические ЭДЕ. С синтаксической точки зрения они подчиняют клаузы, в которых выражается объект эпистемической оценки, см. пример (7):

⁴ Более подробный анализ эпистемических конструкций в «Рассказах о сновидениях» содержится в работе Коротаяв 2007.

⁵ Определения используемых терминов см. в книге Плулунян 2000: 309-325; там же рассматриваются пути сближения эвиденциальных значений со значениями эпистемической и ирреальной модальностей.

(7) N28

3. ..(0.3) мне /кажется,

4. что –кто-то-о ко мне \подбира-ается.

Наконец, в определенных контекстах эпистемические предикаты утрачивают часть своих предикативных свойств и грамматикализуются в маркеры соответствующих отношений. Этот процесс и приводит к появлению одного из видов больших ЭДЕ. Так, в примере (8) глагол кажется уже не образует отдельной клаузы, а служит эпистемическим маркером, выражающим неполную уверенность говорящего в том, что у него появилась новая машина:

(8) Z36

20. ..(0.3) потом я' ..(0.2) \’это ... (0.6) стал' || ... (0.9) у меня

уже' ..(0.1) другая кажется /машина стала,

Каковы же формальные корреляты содержательного различия между примерами типов (7) и (8)? В каких случаях предикатные эпистемические выражения образуют отдельные ЭДЕ и где проходит граница между полноценным предикатом и грамматикализированным эпистемическим маркером?

Для ответа на эти вопросы мы предлагаем использовать два набора критериев, применение которых позволяет определить статус эпистемических выражений и последовательно провести разбиение эпистемических конструкций на ЭДЕ.

Основные критерии

Факторы сохранения предикативности эпистемического выражения:

1) Наличие в эпистемической конструкции подчинительного союза или же наличие у ЭВ зависимых слов, за исключением подлежащего, выраженного личным местоимением (**синтаксический критерий**).

2) Глагольная форма прошедшего или будущего времени (**морфологический критерий**).

Если **оба** приведенных выше условия выполнены, эпистемическое выражение признается несомненным предикатом и выносится в отдельную ЭДЕ, см. пример (9):

(9) N66

14. ... (1.2) {ЦОКАНЬЕ} ..(0.2) эээ(0.5) ..(0.1) мне показалось

15. что это ..(0.2) почему-то был \мужчина.

Факторы утраты предикативности эпистемического выражения:

1) Отсутствие в эпистемической конструкции подчинительного союза, а также отсутствие у ЭВ собственных зависимых (**синтаксический критерий**).

2) Невозможность образования формы прошедшего или будущего времени (**морфологический критерий**).

При выполнении **обоих** этих условий эпистемическое выражение признается очевидно непредикативным и, соответственно, не выделяется в отдельную ЭДЕ, см. последнюю строку примера (10):

(10) N26

95.(1.3) Говорю «А Лоткуда ты знаешь,

96. что мне её решила \мама?

97. Может я её \–сама-а сделала?»

Как нетрудно заметить, основные критерии охватывают только самые явные случаи сохранения/утраты предикативности. Для менее очевидных примеров наряду с основными критериями предлагается использовать дополнительные. Итоговое решение о делении на ЭДЕ принимается по простому большинству факторов в пользу утраты или сохранения предикативности. При равном числе противодействующих факторов признается, что предикативность эпистемического выражения сохранена.

Дополнительные критерии

1) **Позиционный критерий.** Расположение ЭВ перед клаузой, содержащей объект эпистемической оценки, говорит в пользу сохранения предикативного статуса ЭВ. Расположение ЭВ после клаузы, содержащей объект оценки, или внутри нее, говорит в пользу утраты предикативного статуса ЭВ.

Именно позиционный критерий – наряду с синтаксическим – оказывается решающим при анализе приведенных выше примеров (7) и (8). На предикативный статус ЭВ кажется в (7) указывает не только наличие в конструкции союза что, но и препозиция ЭВ. В (8), напротив, грамматикализация кажется подчеркивается как отсутствием маркеров синтаксической связи, так и положением ЭВ внутри другой клаузы.

2) **Критерий ненулевой глагольной формы.** Отсутствие эксплицитной формы глагола свидетельствует о принадлежности ЭВ к маркерам, а не к предикатам. Этот критерий позволяет выявить меньшую предикативность ЭВ типа видно, похоже по сравнению с было похоже или кажется.

3) **Критерий предикативности языкового выражения, содержащего объект оценки.** Еще один фактор, говорящий против выделения эпистемического выражения в отдельную ЭДЕ, – непредикативный характер языкового выражения, содержащего объект эпистемической оценки.

Так, в примере (11) кажется объединяется в одну ЭДЕ с на даче именно вследствие непредикативного характера последнего выражения, тогда как значения синтаксического и позиционного критериев нейтрализуют друг друга:

(11) Z55

1. Значит мне /снится,

2. что я где-то на –приро-оде вот _

3. ..(0.6) кажется на /даче,

7. Заключение

Анализ устной речи требует выработки последовательных и систематических принципов дискурсивной транскрипции. Центральная задача транскрипции, ориентированной на отражение локальной структуры текста, – выделение элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ). Прототипическая ЭДЕ представляет собой простую клаузу. Однако в определенных обстоятельствах могут встречаться ЭДЕ как меньшего, так и большего объема. Один из видов ЭДЕ, превышающих по объему клаузу, возникает при грамматикализации эпистемических предикатов. Для опознания случаев грамматикализации предлагается использовать два набора критериев, учитывающих синтаксические, морфологические и позиционные свойства эпистемических конструкций.

Литература

1. Кибрик А.А., Подлеская В.И. 2003. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // *Научно-техническая информация (серия 2)*, 10, 5-12.
2. Кибрик А.А., Подлеская В.И. 2006. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Соловьев В.Д. (ред.) *Когнитивные исследования*. Вып. 1. М.: Институт психологии РАН. – 138-158.
3. Корабельникова 1997. Сновидения при невротических расстройствах у детей и подростков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Москва: ММА им. Сеченова.
4. Коротаев Н.А. 2007. Сегментация полипредикативных конструкций в корпусах устных текстов: конструкции с эпистемическими предикатами в аудиокорпусе «Рассказов о сновидениях» // *Научно-техническая информация (серия 2)*, 2, 30-36.
5. Литвиненко А.О. 2001. Описание структуры дискурса в рамках теории риторической структуры: применение на русском материале // *Труды Международного семинара*

- «Диалог-2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково. – 159-168.
6. Плунгян В.А. 2000. *Общая морфология*. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС.
 7. Chafe W. (ed.) 1980. *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, NJ: Ablex.
 8. Chafe, W. 1982. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // D. Tannen(ed.) *Spoken and written language: Exploring orality and literacy*. Norwood: Ablex, 35-54.
 9. Chafe, Wallace. 1994. *Discourse, consciousness, and time*. Chicago: University of Chicago Press.
 10. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I., Kal'kova T.M., Litvinenko A.O. 2002. Cognitive structure of narrative discourse: the analysis of children's night dream stories // Нариньяни А.С. (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара «Диалог-2002»*. Т. 1: Теоретические проблемы. М.: Наука. – 635-647.
 11. Mann W.C., Thompson S.A. 1988. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization. *Text*, 8, 243-281.
 12. Mann W.C., Matthiessen C., Thompson S.A. 1992. "Rhetorical structure theory and text analysis". In: Mann W.C., Thompson S.A. (eds.) *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. Amsterdam: Benjamins, pp. 39-78.